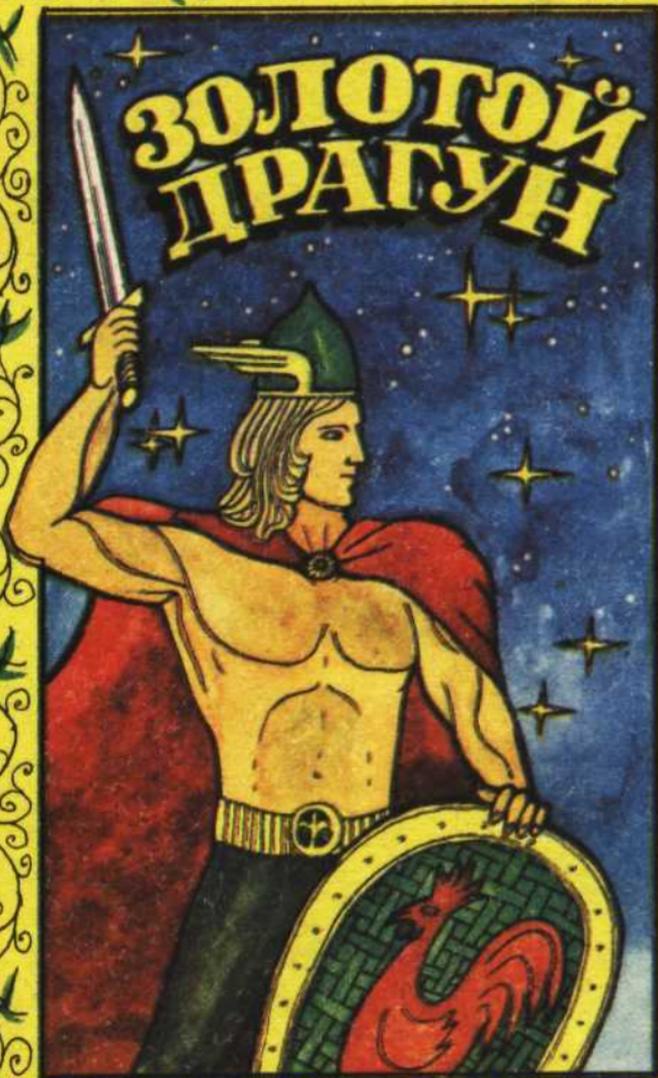

ЗОЛОТОЙ ДРАГУН

ФРАНЦУЗСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ВЫПУСК II

Библиотека Ладовед.

OCR Юрий Войкин 2008г.

Приложение к журналу
«Зарубежная радиоэлектроника»

МОСКВА 1991

Золотой Драгун

Это было в те года,
Когда у кур росли рога.

или когда-то в замке Ламот граф и графиня, безмерно богатые и столь же щедрые. У этих добрых людей был только один сын, прекрасный как солнце, надежный как золото, сильный и смелый как Самсон. И вот наступил день, когда молодой граф поцеловал отца и мать и вскочил на своего могучего крылатого коня.

— Прощайте, отец мой, прощайте, мать моя. Сегодня мне минуло двадцать лет. Я еду на войну служить королю Франции.

— Прощай, дружок. Храни тебя Господь!

Крылатый конь молнией взвился под облака.

Три года служил французскому королю молодой граф. Он командовал на войне полком Золо-

тых Драгун, а когда мир был заключен, отправился разыскивать короля в его Лувре.

— Здравствуйте, король Франции.

— Здравствуй, Золотей Драгун. Что скажешь?

— Король Франции, мир заключен. Я хочу возвратиться к отцу и матери в замок Ламот. Если я вам опять понадобится, позовите меня. Я не заставлю себя ждать.

— Золотой Драгун, поезжай домой в замок Ламот. Возвращайся к родителям и передай им от меня поклон.

— Спасибо, король Франции. Я сделаю так, как вы сказали. •

Золотой Драгун вышел из Лувра и вскочил на своего могучего коня-летуна, который молнией понесся сквозь тучи. К полуночи всадник при свете луны увидел вдаль замок Ламот. Золотой Драгун натянул поводья, и крылатый конь, как орел, стал медленно кружить над мостом через ручей Лоз, между Лектуром и замком-Ламот.

— Вот обрадуются мои добрые отец и мать, когда я разбужу их!

В эту минуту Золотой Драгун услышал внизу стоны:
*

— О Боже мой! Боже мой!

У дороги одна-одинешенька сидела девушка в белом платье и плакала горячими слезами.

— Красавица, что вы делаете здесь одна у дороги и отчего плачете горячими слезами?

— Золотой Драгун, я не даром плачу горячими слезами. Меня против моей воли обещали отдать в жены Духу Ночи. Оттого я бежала из отцовского замка. Но от захода до восхода солнца Дух Ночи имеет большую власть на земле. И он еще до рассвета заберет меня.

• Золотой Драгун сошел с коня.

— Красавица, не плачьте так. Я три года служил королю Франции на войне и ни разу не встречал человека сильнее и смелее меня. Мы сейчас поедем в замок моего отца. Там вас никто не тронет. Красавица, я берусь избавить вас от брака с Духом Ночи. Подождите меня здесь и ничего не бойтесь. Я только напою коня в ручье Лоз.

— Золотой Драгун, я буду ждать вас.

Золотой Драгун спустился к ручью и напоил своего крылатого коня. Когда конь и всадник снова поднялись над дорогой, девушки там больше не было.

— Мать Божья! Дух Ночи похитил у меня красавицу. Мать Божья, где же она?

Тут заговорил могучий крылатый конь:

— Золотой Драгун, любишь ты меня?

— Да, мой добрый конь, я люблю тебя. Не одну службу сослужил ты мне и не раз на войне выручал из беды.

— Золотой Драгун, если ты любишь меня, ложись под этим дубом и спи, а я постерегу тебя. Спи, пока я тебя не разбужу. Тогда ты узнаешь, где твоя красавица и Дух Ночи.

Золотой Драгун лег под дубом и заснул. Конь стоял над ним, как часовая. А в ветвях дуба совы и филины справляли свой шабаш и болтали между собой: «Угу! Угу! Ш-ш, ш-ш, ш-ш!»

Конь понимал язык этих птиц, которым известно все, что происходит по ночам. Он лег на землю, притворился спящим и насторожил уши. А на верхушке дуба совы и филины все болтали: «Угу! Угу! Ш-ш, ш-ш, ш-ш! Дух Ночи запер свою невесту в домике среди Рамберского леса, около Волчьего Ключа. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш!»

Крылатый конь разбудил своего господина.

— Довольно спать, Золотой Драгун. Скорее

садись ко мне на спину. Я знаю, где твоя красавица и Дух Ночи.

Могучий конь взмахнул крыльями и мигом перенес своего господина в Рамьберский лес, к домику у Волчьего Ключа.

Золотой Драгун вытащил саблю из ножен и без страха и колебаний постучал в дверь: «Тук! Тук!»

Никто не отозвался.

Тогда Золотой Драгун сильным ударом ноги вышиб дверь.

— Здравствуй, Дух Ночи. Сейчас же отдай мне мою невесту.

— Золотой Драгун, она тебе не достанется. Хочешь, сразимся с тобой?

Дух Ночи схватился за саблю, и они вступили в бой. Наконец Золотой Драгун повалил противника на землю.

— Золотой Драгун, ты сильнее меня. И все же ты не можешь меня убить. Мне суждено жить до дня Страшного суда, потом умереть и не воскреснуть. Слушай. Посади девушку на своего коня, сам садись впереди и уезжай с ней. До рассвета я имею власть мучить вас обоих. Если ты вымолвишь хоть одно слово или обернешься к своей милой, я унесу ее, и не видать тебе ее никогда, никогда!

— Дух Ночи, пусть будет так.

Золотой Драгун посадил красавицу позади себя, и могучий конь молнией полетел над землей. Но Дух Ночи уселся за спиной бедной девушки. Он кусал ее до крови и страшно тряс ее.

— Золотой Драгун, я падаю! Я падаю!

— Не бойтесь, красавица. Держитесь обеими руками за перевязь моей сабли.

— Золотой Драгун, я падаю! Я падаю!

Золотой Драгун обернулся.

— Мать Божья! Дух Ночи унес мою милую. Мать Божья, где она?

Тут заговорил опять крылатый конь:

— Золотой Драгун, любишь ты меня?

— Да, могучий мой конь, люблю. Не одну службу сослужил ты мне, не раз на войне выручал из беды.

— Золотой Драгун, если любишь ты меня, поклянись спасением своей души, что никогда ты не променяешь меня ни на какого другого коня. Клянись, что никогда не продашь меня ни за золото, ни за серебро.

— Крылатый мой конь, клянусь тебе в этом своей душой.

— Золотой Драгун, теперь, когда ты поклялся, сойди на землю. Ложись под этот дуб и спи, а я постерегу тебя. Спи, пока я не разбужу тебя. Тогда ты узнаешь, где твоя красавица и Дух Ночи.

Золотой Драгун лег под дубом и уснул. А могучий конь стоял на страже. В ветвях дуба совы и филины справляли свой шабаш и переговаривались между собой, так как ночь еще не миновала.

Крылатый конь понимал язык этих птиц, которым известно все, что происходит по ночам. Он лег на землю, притворился спящим и наострил уши. А совы и филины болтали: «Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш! Дух Ночи запер свою невесту в башне, в башне из золота и серебра, на вершине утеса, среди большого-большого моря. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш!»

Тут конь разбудил своего хозяина.

— Довольно спать, Золотой Драгун. Скорее садись ко мне на спину. Я знаю, где твоя милая и Дух Ночи.

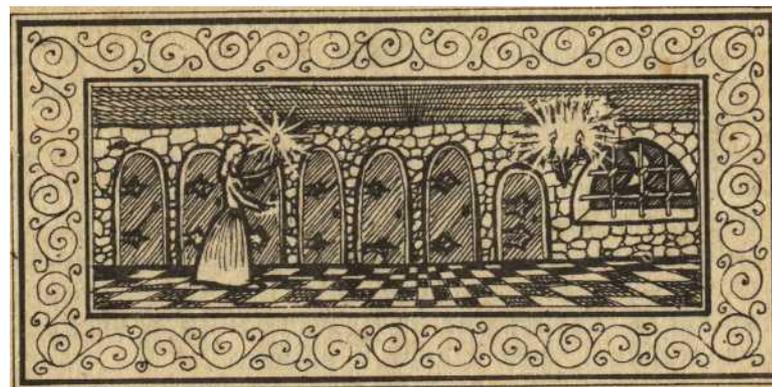
ваясь, боролся с Духом Ночи и всеми чертами ада. Но с первым лучом зари злые духи исчезли, рассеялись как туман, а могучий конь «остановился у ворот замка Ламот. Девушка мигом вынула смолу из ушей своего милого и разрежала волос, которым был зашит его рот. Золотой Драгун взял ее за руку и повел к родителям.

— Здравствуйте; отец и мать. Вот та, которую я хочу взять в жены. Если вы скажете «нет», я уеду в Святую землю и постригусь в монахи. Вы не увидите меня больше никогда, никогда.

— Дружок, мы не хотим, чтобы ты стал монахом и уехал в Святую землю. Женись на твоей невесте и живите счастливо вместе с нами.

Их обвенчали в то же утро, и они жили долго и счастливо.

Золотой Драгун не забыл клятвы, которую дал своему могучему коню: никогда он не соглашался променять его на другого или продать за золото и серебро. И до самой смерти было у коня всегда вволю и отрубей, и сена, и овса.

°6

ил-был когда-то человек ростом в шесть футов, с синей бородой по пояс. Его так и звали Синей Бородой. Этот человек был богат как море, но никогда не подавал милостыни беднякам. В церковь он и ногой не ступал. Говорили, что Синяя Борода был женат семь раз, но никто не знал, куда девались его семь жен.

В конце концов худая молва о Синей Бороде дошла до самого короля Франции. И король тотчас послал множество солдат и велел им схватить этого человека. С ними отправился главный судья в красной мантии, чтобы его допросить. Семь лет искали они его по лесам и горам, но Синяя Борода прятался от них неизвестно где.

Солдаты и главный судья в красной мантии возвратились к королю, и тогда Синяя Борода

опять появился. Он стал еще свирепее, еще страшнее прежнего. Дошло до того, что ни один человек не осмеливался подойти к его замку ближе чем на семь миль.

Однажды утром Синяя Борода ехал полем на своем могучем черном коне, а за ним бежали его псы — три дога, огромные и сильные как быки. В это время мимо шла одна-одинешенька молодая и красивая девушка. Тут злодей, не говоря ни слова, схватил ее, за пояс, поднял и, посадив на лошадь, увез к себе в замок.

— Я хочу, чтобы ты была моей женой. Ты больше не выйдешь из моего замка.'

И девушке поневоле пришлось стать женой Синей Бороды. С тех пор она жила пленницей в замке, терпя муки смертные, выплакивая глаза. Каждое утро, на заре, Синяя Борода садился на коня и уезжал со своими тремя псами, огромными и сильными как быки. Домой он возвращался только к ужину. А жена его целыми днями не отходила от окна. Она глядела вдаль, на родные поля, и грустила. Порою к ней подсаживалась пастушка, кроткая как ангел и такая красивая, что красота ее радовала, сердце.

— Госпожа,— говорила она,— я знаю, о чем вы думаете. Вы не доверяете слугам и служанкам в замке,— и вы правы. Но я не такая, как они, я вас не предаю. Госпожа, расскажите мне о своем горе.

Госпожа все молчала. Но вот однажды она заговорила:

— Пастушка, прекрасная пастушка, если ты меня выдашь, Господь Бог и Пресвятая Дева покарают тебя. Слушай. Я расскажу тебе о моем горе. Пастушка, днем и ночью я думаю о моем бедном отце, о моей бедной матери. Я думаю о моих двух братьях, которые вот уже семь лет в

чужом краю служат королю Франции. Пастушка, прекрасная пастушка, если ты выдашь меня, Господь Бог и Пресвятая Дева тебя покарают.

— Госпожа, я вас не выдаю. Слушайте. У меня есть говорящая птица-сойка, она делает все, что я ей прикажу. Если хотите, она слетает к вашим двум братьям, которые вот уже семь лет на чужбине служат королю Франции, и все им расскажет.

— Спасибо, пастушка. Подождем удобного случая.

С того дня молодая жена Синей Бороды и пригожая пастушка очень подружились. Но они больше никогда не разговаривали, опасаясь, как бы их не выдали продажные слуги.

Однажды Синяя Борода сказал жене:

— Завтра утром, на заре, я уезжаю в далекое путешествие. Вот тебе семь ключей. Шесть больших открывают двери и шкафы в замке. Ты можешь пользоваться этими ключами сколько хочешь. А седьмой, самый маленький ключик, открывает дверь вон в тот чулан. Туда я тебе запрещаю' входить. Если ослушаешься, я узнаю об этом, и тогда тебе несдобровать.

На другое утро, чуть свет, Синяя Борода ускакал галопом на своем черном коне, а за ним бежали три его дога, огромные и сильные как быки. Целых три месяца жена Синей Бороды не нарушала приказа мужа. Она открывала только комнаты и шкафы замка шестью большими ключами, но сто раз в день думала: «А хотелось бы знать, что там, в том чулане». Так не могло продолжаться долго.

— А, будь что будет!— сказала она в один прекрасный день. — Погляжу я, что там такое! Синяя Борода ничего не узнает.

Сказано — сделано. Она кликнула пригожую пастушку, достала ключик и отперла закрытую дверь. Пресвятая Дева! Восемь железных крюков! На семи из них висят семь мертвых женщин!

Жена Синей Бороды пыталась запереть дверь. Но при этом ключик упал на пол. Пригожая пастушка его подняла. И — горе! — маленький ключик был замаран кровью. Пригожая пастушка и ее госпожа до самого захода солнца стирали с ключика кровавое пятно. Они терли его уксусом, хвощом и солью, смывали горячей водой. Ничто не помогало. Чем больше бедняжки скребли пятно, тем краснее оно становилось и тем заметнее выступало на железе.

Наконец ключик заговорил человеческим голосом:

— Трите, женщины. Трите, сколько хотите. Пятно на мне никогда не сотрется. А через семь дней возвратится Синяя Борода.

Тогда пригожая пастушка сказала своей госпоже:

— Госпожа, наступило время послать мою горящую сойку. Га! Га! Га!

На ее зов сойка влетела в окно.

— Га! Га! Га! Пригожая пастушка, чего ты хочешь от меня?

— Сойка, лети в чужие края. Лети туда, где стоит войско короля Франции. Там скажи двум братьям моей госпожи: «Скорее, скорее, скачите на помощь к вашей сестре, пленнице в замке Синей Бороды».

Черной ночью говорящая птица понеслась быстрее ветра и с восходом солнца исполнила то, что ей приказали.

Семь дней спустя Синяя Борода воротился в свой замок на том же черном коне и с тремя псами, громадными и сильными как быки.

— Жена, подай мои семь ключей!

Бедняжка принесла ему шесть больших ключей от комнат и шкафов замка.

— Негодница, здесь не все ключи! Где самый маленький? Подай его сюда!

Вся дрожа, несчастная протянула ему ключик, замаранный кровью.

— Негодница, ты заглядывала в чулан! Через час ты будешь висеть мертвой на восьмом крюке!

- Синяя Борода сошел во двор замка, чтобы наточить на камне свой длинный нож.

Точа нож, он приговаривал:

— Точись, точись, нож. Ты перережешь горло моей жене.

А жена и пригожая пастушка слышали это и дрожали от страха.

— Пастушка, милая пастушка, поднимись скорее на самую верхушку башни!

Пастушка сделала то, что велела ей госпожа. А во дворе Синяя Борода все точил на камне свой длинный нож:

— Точись, точись, нож. Ты пройдешь сквозь горло моей жены.

— Пастушка, милая пастушка, что ты видишь с высокой башни?

— Госпожа, с высокой башни мне видно, как светит солнце. Я вижу море. Я вижу горы и долины.

Госпожа поднялась по лестнице на семь ступеней.

А во дворе Синяя Борода все точил на камне свой нож:

— Точись, точись, нож. Ты перережешь горло моей жене.

— Пастушка, прекрасная пастушка, что видишь ты с высокой башни?

-+ Госпожа, с высокой башни я вижу там, вдали, ваших двух братьев на кряжах. Они скачут во весь опор.

*

Госпожа поднялась еще на семь ступеней.

А во дворе Синяя Борода все точил на камне свой нож:

— Точись, точись, нож. Ты перережешь горло моей жене.

— Пастушка, прекрасная пастушка, что ты видишь теперь с высокой башни?

— Госпожа, ваши братья уже в миле отсюда. Спасайте свою жизнь.

Во дворе Синяя Борода кончил точить на камне свой нож.

— Сходи вниз, негодяйка! Сходи, или я поднимусь к тебе!

Но его жена взошла еще на семь ступенек.

— Друг мой, дай мне время помолиться! Пастушка, пастушка, что видишь ты с высокой башни?

— • Госпожа, ваши братья уже совсем близко, совсем близко. Спасайте свою жизнь, если можете.

Тогда жена Синей Бороды поднялась на самую верхушку башни. Ее два брата сходили с лошадей перед воротами замка. А Синяя Борода кричал:

— Сходи, негодяйка! Сходи, или я поднимусь к тебе!

Синяя Борода поднялся на башню, размахивая своим остро отточенным ножом.

— Смелее, братья!, На помощь!

Синяя Борода выпустил жену и свиснув своих трех псов, больших и сильных как быки. Оба брата с саблями наголо вбегали уже на площадку башки. Битый час люди и животные сражались на башне, И наконец Синяя Борода упал

мертвым рядом со своими тремя догами, большими и сильными как быки.

— Сестрица, этот злодей и его псы больше никому не опасны. Уйдем отсюда.

Старший брат посадил с собой на лошадь сестру, а младший — пригожую пастушку. На закате они приехали в замок родителей.

— Здравствуйте, отец. Здравствуйте, мать, Вы меня оплакивали как мертвую, и я лежала бы теперь мертвая в замке Синей Бороды, если бы не дружба вот этой прекрасной пастушки.

Все обнимались, радуясь свиданию. За ужином младший брат сказал:

— Выслушайте меня, отец. Выслушайте, мать,. Я влюблен в прекрасную пастушку. Если вы не позволите мне взять ее в жены, я завтра отправляюсь на войну, и вы меня больше не увидите никогда.

— Сын, делай так, как ты хочешь. Твоя прекрасная пастушка получит в приданое замок Синей Бороды.

На другой день, с первым ударом часов, возвещавших полночь, Золотой Драгун был у ворот башни из золота и серебра, стоявшей на вершине скалы посреди далекого моря.

Золотой Драгун вытащил саблю из ножен и без колебаний и страха постучал в ворота: «Тук! Тук!»

Никто не отозвался.

Тогда Золотой Драгун сильным ударом ноги вышиб ворота.

— Здравствуй, Дух Ночи. Отдай мне сейчас же мою невесту.

— Золотой Драгун, не видать тебе твоей невесты! Давай померяемся силами!

Дух Ночи вынул саблю, и они вступили в бой. «Наконец Золотой Драгун повалил противника на землю.

• — Золотой Драгун, ты сильнее меня. Но убить меня ты не можешь. Я умру только в день Страшного суда, и мне не суждено воскреснуть. Слушай. Посади девушку на коня позади себя и уезжай с ней. Пока не рассветет, я имею власть мучить вас. Если ты скажешь хоть единое слово, если обернешься к твоей милой, я унесу ее, и ты не найдешь ее больше никогда, никогда!

— Дух Ночи, пусть будет так.

Золотой Драгун посадил девушку на коня позади себя, и могучий конь молнией полетел среди туч. А Дух Ночи уселся за спиной бедной девушки. Он кусал ее до крови и страшно тряс. Но она ни разу не вскрикнула.

Дух Ночи понял, что теряет даром время. Он схватился за саблю, чтобы нанести Золотому Драгуну удар в спину.

— Золотой Драгун, — закричала девушка, — Золотой Драгун, берегись!

Золотой Драгун обернулся.

— Мать Божья! Дух Ночи опять унес мою милую! Мать Божья, где она?

Тут заговорил могучий крылатый конь:

— Золотой Драгун, любишь ты меня?

— Люблю, мой крылатый конь. Не одну службу сослужил ты мне и не раз выручал из беды на войне. Я поклялся тебе, что никогда не променяю тебя на другого коня. Я поклялся своей душой, что никогда не продам тебя ни за серебро, ни за золото.

— Золотой Драгун, ложись под этим дубом и спи, а я постерегу тебя. Спи, пока я тебя не разбужу/ Тогда ты узнаешь; где твоя милая и Дух Ночи.

Золотой Драгун лег под дубом и уснул. А могучий конь стоял на страже. В ветвях дуба совы и филины справляли свой шабаш и болтали между собой: «Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Ш-ш!»

Конь понимал язык этих птиц, которым известно все, что происходит ночью. Он лег на землю, притворился спящим и насторожил уши.

На верхушке дуба совы и филины справляли свой шабаш и болтали, так как ночь еще не прошла:

— Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Дух Ночи опять утащил свою невесту. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш! Дух Ночи держит свою невесту в плену, далеко, очень далеко, на самом дальнем краю звезды, что посреди созвездия Трех Дев. Он держит ее взаперти в башне из железа и стали. Угу! Угу! Ш-ш! Ш-ш!

Тут крылатый конь разбудил Золотого Драгуна. -

— Золотой Драгун, довольно спать. Скорее садись ко мне на спину. Я знаю, где твоя милая и Дух Ночи.

С восходом солнца Золотой Драгун сошел с коня у ворот постоянного двора в Бордо.

Тогда конь заговорил:

— Золотой Драгун, любишь ли ты меня?

— Да, я люблю тебя, мой крылатый конь. Не одну службу сослужил ты мне и не раз выручал из беды на войне. Я поклялся, что никогда не променяю тебя на другого коня и не продам ни за золото, ни за серебро.

— Золотой Драгун, поклянись же мне, что до самой моей смерти, сколько бы я ни ел, у меня всегда будет вдоволь отрубей и овса.

— Мой могучий конь, длянись тебе в том своей душой.

— Хорошо. Теперь, Золотой Драгун, прикажи конюхам принести для меня семь мешков овса и держать наготове столько воды, сколько мне потребуется. Через час мы с тобой пустимся в далекий путь. А пока я буду набивать себе брюхо, ты сбегай в город, купи у сапожника фунт смолы, у ювелира — золотую иглу и мчись во весь дух обратно.

Сказано — сделано. И вот через час крылатый конь молнией взвился под облака.

Когда пробило полночь, Золотой Драгун был уже на самом дальнем краю звезды в созвездии Трех Дев. Он очутился у ворот башни из железа и стали, вытащил саблю и постучал без колебаний и страха: «ТукНТук!»

Никто не отозвался.

Сильным ударом ноги Золотой Драгун вышиб ворота.

— Здравствуй, Дух Ночи. Верни мне мою милую.

— Золотой Драгун, она не будет твоей. Сразимся!

Оба схватились за сабли и вступили в бой. Наконец Золотой Драгун повалил противника на землю. *

— Золотой Драгун, ты сильнее меня. Но тебе меня не убить. Я умру только в день Страшного суда, и мне не суждено воскреснуть. Слушай. Посади девушку за собой, и уезжайте на твоём коне. До рассвета мне дана власть мучить вас. Скажи только слово или обернись к твоей милой — и я унесу ее, и тебе больше никогда не видать ее!

— Дух Ночи, пусть будет так.

Тут заговорил крылатый конь:

— Золотой Драгун, передай девушке фунт смолы и золотую иглу.

— Мой могучий конь, я сделал это.

— Хорошо. Красавица, возьми смолу и замажь хорошенько уши Золотому Драгуну.

— Готово, крылатый конь.

— Хорошо. А теперь, красавица, вырви волосок из моего хвоста. Вдень его в иглу и зашей рот Золотому Драгуну.

— Готово, крылатый конь.

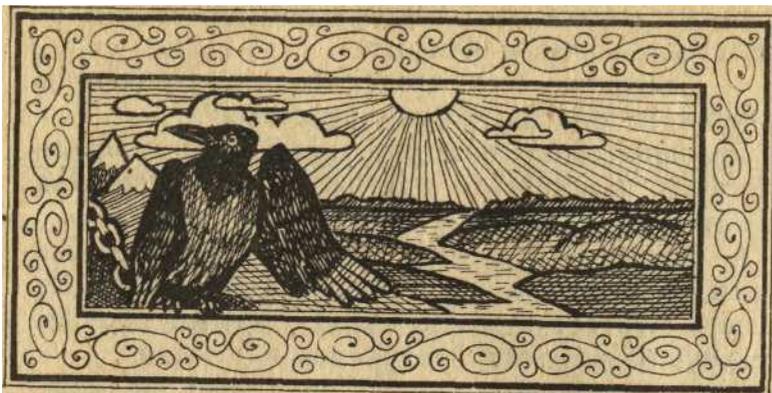
— Хорошо. Скорее в путь. Теперь пускай приходит Дух Ночи.

Золотой Драгун посадил девушку у себя за спиной, и могучий конь полетел под облаками как молния. Дух Ночи уселся позади бедной девушки. Он кусал ее до крови и страшно тряс. Но девушка не кричала.

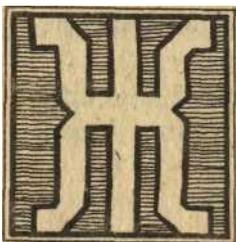
Тогда Дух Ночи понял, что теряет напрасно время, и вытащил саблю, чтобы ударить Золотого Драгуна в спину. Но девушка и тут не вскрикнула. Дух Ночи увидел, что теряет даром время, и призвал на помощь всех чертей ада.

— Золотой Драгун, — закричала девушка, — Золотой Драгун, берегись!

Она могла кричать сколько душе угодно. У Золотого Драгуна уши были замазаны смолой, рот зашит. Так до восхода солнца он, не оборачиваясь

Король~ворон

ил-был когда-то человек,- зеленый как трава и с одним только глазом во лбу. Этот зеленый человек жил в старом домишке, на краю Рамьерского леса, с тремя дочерьми: старшая была хороша как день, вторая еще красивее, а самая младшая, которой исполнилось только десять лет, прекраснее их обеих.

Однажды зимним вечером зеленый человек сидел у открытого окна. Ночь наступала, и от реки поднимался туман. Вдруг в воздухе зашумели могучие крылья, и на подоконник села птица величиной с быка, черная как уголь.

— Кра! Кра! Кра! Я — король воронов.

— Король воронов, чего ты от меня хочешь?

— Кра! Кра! Кра! Зеленый человек, я хочу взять в жены одну из твоих дочерей.

— Король воронов, подожди меня здесь.

И зеленый человек пошел к своим трем дочерям.

— Слушайте, дочери. Прилетел король воронов. Он хочет в жены одну из вас.

— Отец, — сказала старшая, — вот уже скоро год, как я обручена с сыном испанского короля, который приезжал в Лектур в день святого Мартина покупать мулов на ярмарке. И вчера мой жених прислал весть через одного паломника, что он скоро придет и увезет меня в свое королевство. Вы видите, отец, — я не могу стать женой короля воронов.

— Отец, — промолвила вторая дочь, — а я обручена вот уже год с сыном короля Морских Островов. И вчера мой милый прислал мне весть с одним матросом из Бордо, что он скоро придет и увезет меня к себе. Вы видите, отец, что я не могу стать женой короля воронов.

Тут зеленый человек поглядел на свою третью дочь. Но она была такая молоденькая, что ему стало ее жалко, и он подумал: «Будь я проклят навеки, как те, что умирают без покаяния, если отдам дитя в жены королю воронов».

И зеленый человек, ничего не спросив у своей меньшей дочери, вернулся к королю воронов, который все еще сидел на подоконнике. —

— Король воронов, ни одна из моих дочерей не хочет тебя.

Король воронов страшно рассердился. Сильным ударом клюва выколол он зеленому человеку его единственный глаз, который помещался у него как раз посередине лба. Потом улетел в туман. А зеленый человек завопил, как будто в него бес вселился. На крики прибежали три дочери.

— Отец, что с вами? Кто вам выколол глаз?

— Его выклевал король воронов за то, что вы все отказались выйти за него замуж.

— Отец, — промолвила меньшая дочь. — Не пристало мне спорить с вами! Но я не отказывалась выйти замуж за короля воронов.

— Хорошо,, Отведи меня в постель, и пусть никто не входит ко мне в комнату, пдка я не позволю.

Третья дочь сделала как приказал отец. На другой день к вечеру зеленый человек позвал младшую дочь и сказал ей:

— Отведи меня в ту комнату, где я сидел вчера, когда король воронов выклевал мне глаз. Открой окошко и оётавь меня одного.

Младшая дочь сделала так, как приказал отец. А зеленый человек сел к окну. Наступала ночь, и с реки поднимался туман. Вдруг в воздухе зашумели могучие крылья. И птица величиной с быка, черная как уголь, села на подоконник.

— Кра! Кра! Кра! Я король воронов.,

— Король воронов, чего тебе надо?

— Кра! Кра! Кра! Зеленый человек, я хочу в жены одну из твоих дочерей. . . .

— Король воронов, ты получишь мою меньшую дочь. . . .

Тогда король воронов вернул глаз зеленому человеку И прокаркал:

— ;Кра! Кра! Кра! Скажи моей невесте, чтобы она была готова завтра утром, на заре и надела белое платье и брачный венец.

На рассвете небо почернело от воронов, которые налетели за ночь. Перед домом зеленого человека они поставили алтарь, чтобы можно было совершить брачный обряд. У подножия алтаря стоял король, воронов, весь закутанный в большое покрывало, белое как снег. Когда все было готово и зажгли венчальные свечи, неиз-

вестно откуда появился священник в полном облачении и с ним служка, чтобы совершить брачный обряд. После венчания священник и служка исчезли так же, как появил-ись. А король воронов все скрывался под белым как снег покрывалом.

— Кра! Кра! Кра! Отведите мою жену к отцу.

Новобрачную отвели в дом отца. Тогда король воронов появился из-под своего покрывала, белого как снег.

• — Кра! Кра! Кра! Зеленый человек, пусть дочь останется у тебя до полудня. А в полдень вороны по моему приказу унесут ее в мое царство.

И он улетел к северу.

В полдень жена ворона стояла уже на пороге отцовского дома.

— Прощайте, отец, мой! Прощайте, сестры! Я покидаю родную страну и наш дом. Меня увезут на чужбину, и я не вернусь никогда, никогда!

Вороны подняли свою королеву и унесли ее на крыльях по воздуху в царство холода, в царство льда, где нет ни деревьев, ни травы. До захода солнца они пролетели три тысячи миль. Королеву опустили на землю перед главными воротами замка.

— Спасибо вам, вороны. Я не забуду вашей верной службы. Теперь поужинайте и ложитесь спать. Вам пора отдохнуть.

Вороны улетели, а королева вошла в замок. Он был в семь раз больше, чем церковь святого Жерве в Лектуре. Повсюду горели свечи, в каминах пцлал огонь, такой жаркий, как в печах, в которых обжигают кирпич. Но нигде не, видно было ни души. Королева долго бродила по замку и наконец пришла в большой зал, где стоял стол, уставленный всякими кушаньями и винами. На столе был приготовлен только один прибор. Ко-

ролева села. Но ей не хотелось ни есть, ни пить, потому что она не переставала думать о родных и тосковать по дому.

Час спустя королева легла в постель, задернула златотканый полог и, не засыпая, не потушив свечей, стала ждать. Как только пробило полночь, послышался шум могучих крыльев. Это король воронов прилетел домой ночевать. Он остановился за дверью комнаты, где лежала королева.

i — Кра! Кра! Кра! Жена, потуши свет.

Королева задула свечи, и король вошел в темноте.

— Кра! Кра! Кра! Слушай, жена, и запомни, потому что мы здесь на ветер слов не бросаем. Когда-то я был королем над людьми. Теперь я король воронов: злой колдун обратил в птиц меня и весь мой народ. Но предречено, что испытанию нашему наступит конец. И ты можешь этому помочь. Я надеюсь, что ты исполнишь свой долг. Каждую ночь я, как сегодня, буду прилетать и спать с тобой рядом. Но тебе только десять лет. И настоящей женой ты станешь мне не раньше, чем через семь лет. До тех пор не пытайся никогда увидеть меня. Если ты ослушаешься, то накличешь великую беду на себя, на меня и на мой народ.

— Король, я исполню вашу волю.

И вот королева услышала во мраке, как король воронов снимает свои крылья. Сделав это, он подошел к кровати и лег. Королеве стало страшно. Она протянула руку и почувствовала холод обнаженного меча, который ее супруг положил между ними.

На другое утро, перед зарей, король воронов встал в темноте, взял с кровати обнаженный меч, облекся снова в перья и крылья и улетел,

не сказав куда. С этих пор так бывало каждое утро и каждый вечер.

Королева, хоть и боялась супруга-ворона, любила его, потому что видела, что он могуч и смел. Однако бедняжке надоела такая, жизнь. Она скучала — ведь ей не с кем было словом перемолвиться! И, чтобы немного развлечься, она стала часто уходить из замка рано утром, захватив с собой корзинку, полную всякой снеди. До наступления ночи бродила она по равнинам, среди снега и льда. И никогда не встречала ни единой живой души.

Однажды утром королева, гуляя, зашла далеко от замка и увидела высокую гору, „не покрытую снегом. Семь часов шла ока в гору, пока не пришла к убогой хижине на берегу ручья. У ручья стирала прачка, вся сморщенная как старая кожа и древняя как придорожный камень. Отжимая белье, черное как сажа, прачка пела.

— Здравствуйте, прачка, — сказала королева. — Я помогу вам выстирать белье, оно черно как сажа.

— Спасибо, дитя мое.

Не успела королева окунуть белье в воду, как оно стало белее молока. Тогда старая прачка запела и сказала королеве:

— Давно я жду тебя. Теперь мои испытания кончились, и этим я обязана тебе. А твоим страданиям, бедняжечка; еще не конец! Муж дал тебе добрый совет. Но советы ни к чему не ведут. Что суждено, то и сбудется. Теперь иди домой и не возвращайся сюда, пока не наступит день, когда ты будешь сильно нуждаться в помощи.

Королева воротилась в замок. Жизнь ее текла по-прежнему, день за днем. Так прошло ровно семь лет без одного дня с тех пор, как король воронов обвенчался с ней перед домом зеленого

человека на опушке Рамьерского леса. И вот королева подумала: «Срок, назначенный мужем, кончается. Днем позже или днем раньше, не все ли равно? Сегодня ночью я узнаю, каков собой мой супруг».

Когда наступил вечер, королева зажгла свечу в спальне и спрятала ее так искусно, что в комнате было темно, как в печке. Потом она легла в постель и стала ждать. Как только пробило полночь, в воздухе зашумели крылья. Это король воронов прилетел домой ночевать. Королева слышала, как он снимает крылья. После этого он, как всегда, лег в постель, положив обнаженный меч между собой и женой, и уснул. Тогда королева встала, взяла свечу из потайного места и при свете ее посмотрела на спящего. Перед ней лежал не ворон, а человек, прекрасный как день.

— Боже, как хорош мой супруг!

Она со свечой в руке подошла к самой постели, чтобы лучше разглядеть его, и капля расплавленного воска упала со свечи на спящего. Король воронов проснулся.

— Жена!—воскликнул он.— Ты навлекла великую беду на меня, на себя, на мой народ. Завтра нашему испытанию должен был наступить конец. Я стал бы тебе настоящим мужем, в том образе, в каком ты видишь меня сейчас... А теперь нам придется расстаться! Злой колдун, который держит меня в своей власти, поступит со мной как захочет. Но сделанного не воротить, слезами горю не поможешь. Я прощаю тебе зло, которое ты причинила. Уходи из этого замка, здесь скоро свершится то, чего тебе не следует видеть. Ступай, и да будет с тобой милосердие Божие, куда бы ты ни пошла.

Королева ушла, рыдая. А злодей, державший короля в своей власти, сковал его железной

цепью весом в сорок пудов и унес сквозь тучи на вершину высокого утеса. Утес этот стоял на острове среди моря. Здесь колдун воткнул конец цепи в скалу и припаял его свинцом и серой, да так искусно, как не сделает самый лучший слесарь. Потом свиснул — и тотчас на его свист прибежали два волка, громадные как быки, один чернее сажи, другой белый как снег. Белый волк сторожил короля днем, а ночью спал. Черный волк сторожил короля ночью, а днем спал.

— Волки, зорко стерегите короля воронов!

Злодей ушел, и король воронов остался один с волками, прикованный цепью к вершине высокой скалы на острове среди моря.

А в это время королева, покинув дворец, все шла и шла и плакала так, словно хотела выплакать глаза. Заливаясь слезами, дошла она до вершины высокой горы без снега, где у ручья стояла убогая хижина старой прачки.

— Бедняжка, — промолвила старуха, — вот и пришло горе, как я тебе предсказывала. Чему быть, того не миновать. Но ты когда-то оказала мне услугу, и я отплачу добром за добро. Надень эту пару железных башмаков, в них иди на поиски мужа. Он в плену у колдуна, на вершине высокой скалы, на острове среди моря. Вот тебе еще котомка, в которой никогда не переводится хлеб, сколько бы ты ни съедала. Вот выдолбленная тыква, в ней всегда будет вино, сколько бы ты ни пила из нее. Вот золотой нож, который тебе понадобится для защиты и для того, чтобы нарезать голубой травы, той травы, что поет ночью и днем, травы, что крушит железо. Когда твои железные башмаки лопнут, наступит для короля воронов час освобождения.

— Спасибо, прачка!

И королева пошла дальше. Через три дня она пришла в страну, где нет ни ночи, ни луны, где всегда светит болиде. Здесь блуждала она целый год. Когда, ей хотелось есть и пить, в котомке всегда находился хлеб, а в тыкве — вино. Когда ей хотелось спать, она ложилась на землю и дремала. К концу года она нашла траву, голубую от верхушки до корня, голубую как цветущий лен.

Королева тотчас достала свой золотой нож.

— Королева, — молвила голубая трава, — не режь меня своим золотым ножом. Я — голубая трава, но я не та трава, что поет ночью и днем, не та трава, что крушит железо.

Королева спрятала золотой нож и пошла дальше. Три дня спустя она пришла в страну, где не? дня, где всегда светит луна. Здесь блуждала она целый год. Когда ей хотелось есть и пить, в котомке для нее всегда находился хлеб, а в тыкве—вино. Когда ей хотелось спать, она ложилась на землю и дремала. К концу года она нашла голубую траву, голубую от верхушки до корня, голубую как цветущий лен.

Голубая трава пела:

— Я — голубая трава и пою ночью и днем. Я — голубая трава и пою ночью и днем.

Королева тотчас достала золотой нож.

— Королева, — молвила голубая трава, — не режь меня своим золотым ножом. Я — голубая трава, пою ночью и днем. Но я не та трава, что крушит железо.

И королева опять спрятала золотой нож и побрела дальше. Через три дня она пришла в страну, где не светят ни солнце, ни луна и всегда царит черная ночь. Здесь ходила она целый год. Когда ей хотелось есть и пить, она всегда находила в своей котомке хлеб, а в тыкве — вино.

Когда ей хотелось спать, она ложилась на землю и дремала, К концу года она услышала во мраке пение:

«Я — голубая трава, та, что поет ночью и днем, та, что крушит железо. Я — голубая трава, та, что поет ночью и днем, та, что крушит железо».

Королева мигом достала свой золотой нож и пошла в темноте к тому месту, откуда слышалось пение. И вдруг ее железные башмаки лопнули: она наступила на голубую траву, ту самую, что поет ночью и днем, ту траву, что крушит железо.

Своим золотым ножом королева срезала траву, а та все продолжала петь:

— Я — голубая трава, трава, что прет ночью и днем, трава, что крушит железо.

Королева спрятала нож и пошла дальше во мраке ночи, босиком среди колючего терновника. Долго, долго шла она. Наконец ночь кончилась и взошло солнце. Королева очутилась на берегу большого моря, и совсем близко от нее качалась лодка. Королева вошла в лодку и пустилась в открытое море. Семь дней и семь ночей она не видела ничего, кроме неба и воды. На утро восьмого дня она приплыла к острову и увидела короля воронов, прикованного к вершине высокой скалы. Увидев королеву, громадный белый волк бросился к ней с открытой пастью. Королева тотчас достала золотой нож и взмахнула пучком травы, которая не переставала петь:

«Я — голубая трава, та, что поет ночью и днем, та, что крушит железо. Я — голубая трава, та, что поет ночью и днем, та, что крушит железо».

Под это пение белый волк лег и крепко уонул. Тогда королева золотым ножом заколола большого белого волка. После этого она прикоснулась поющей травой к цепи весом в сорок пудов,

которой был скован король воронов. Цепь распалась. И в тот же миг трава увяла и перестала петь. А король воронов встал, прямой и гордый как Цезарь.

— Кра! Кра! Кра! Спасибо тебе, жена!

Потом закричал на все четыре стороны:

— Кра! Кра! Кра!

И со всех четырех концов света потянулись к нему стаи воронов. Подлетали к королю и сразу принимали свой прежний, человеческий образ. Когда все собрались, король сказал:

— Мой верный народ, страдания наши окончились. Взгляните туда, вдаль. Это король, мой верный друг, едет за нами с семью тысячами кораблей. Через месяц все мы будем в родной стране.

Золотая головня

I

или среди Броссельянского леса, в землянке, оплетенной ветками, три брата — сироты. Они были угольщики и трудились день и Ночь, чтобы кое-как прокормиться.

Раз вечером, после того как они нажгли полную печь угля, Жан, старший из братьев, сказал младшим:

— Братья, мы почти кончили работу, остается только поддерживать огонь в печи. Я пойду в Пемпон поплясать на свадьбе у Жерома Шуана.

-- Хорошо, ступай, — сказали Жак и Франсуа.

Жан тотчас вошел в хижину и стал наряжаться на свадьбу. Надел старую куртку, штаны, на которых было всего только две заплаты — одна на колене, другая на заду, башмаки, недавно подбитые новыми подметками, и свою воскресную широкополую шляпу. Одевшись, он ушел, напевая.

Когда Жан ушел, второй брат подумал: «Разве непременно двоим нужно поддерживать огонь в печи? Малыш Франсуа И один отлично справится с этим. Зачем же мне сидеть дома и умирать со скуки, когда сегодня все парни и девушки собрались у Жюльена Генеля. пьют сидр, едят жареные каштаны и рассказывают сказки?»

И Жак тоже ушел, наказав Франсуа, чтобы он присматривал за печью, так как, если огонь погаснет, весь их труд пропадет даром.

Франсуа шел четырнадцатый год. Он был мальчик послушный и добрый, и старшие братья часто пользовались этим. Вот и в тот вечер бедный ребенок просто с ног валился от усталости. После того как он целый день помогал братьям, ему предстояло еще добрую половину ночи не спать и поддерживать огонь в печи. Но он, не жалуясь, взял кочергу и принялся ворошить угли, чтобы огонь не погас. Медленно текли часы за часами, и, как ни боролся Франсуа с усталостью, сон постепенно одолевал его. Чтобы не заснуть, он стал ходить от печи к хижине и от хижины к печи. Но ничего не помогало, и в конце концов Франсуа в изнеможении сел и уснул. Ему снилось, что он король и пасет коров, сидя на большом белом коне. Он так богат, что каждый день ест белый хлеб и свиное сало. Если бы кто-нибудь в эти минуты увидел спящего Франсуа, он прочел бы на его лице блаженство, навеянное этим дивным сном.

Но Боже, какое разочарование и горе ждали его, когда он проснулся! Он не был больше прекрасным принцем, разъезжавшим верхом по степи, он был бедный угольщик, у него погас огонь в печи, и он знал, что братья за это непременно его поколотят. Что делать? Как быть? Как помочь беде? Спичек тогда еще не знали, и каждое

утро женщины ходили из дома в дом со старым деревянным башмаком в поисках горящего уголька. Бедный Франсуа в отчаянии рвал на себе волосы и призывал на помощь всех святых.

Вдруг, подняв глаза к небу, он заметил вдалеке, высоко над деревьями, языки пламени.

— Ого!—закричал он. — Видно, какие-нибудь угольщики развели большой костер, чтобы уберечься от ночной росы. Пойду-ка я поскорее да попрошу у них несколько головешек.

Он побежал в ту сторону, где виднелось пламя, и, подойдя поближе, очень удивился, заметив, что оно переливается разными цветами: голубым, белым, желтым, красным.

Оно светило так ярко, что Франсуа мог хорошо рассмотреть тот угол леса, куда он забрел.

Он так и застыл на месте. Холодный пот выступил у него на лбу: ведь он находился в двух шагах от Трессельенской прогалины, близ Барантонского ключа, где водились феи!

На колокольне в Пемпоне пробило полночь. И тут Франсуа вспомнил, что слышал от людей, будто здесь сходятся по ночам лесные духи. Здесь они играют и пляшут. А всех тех смертных, кто пытался их застигнуть и увидеть, они увлекали в свой адский хоровод и заставляли плясать до тех пор, пока те не падали мертвыми от изнеможения.

Идти вперед? Или бежать обратно? Да и возможно ли еще убежать?

Пока он раздумывал так, из чащи вышли несколько лесных фей. Они окружили его, схватили и повели. Франсуа был ни жив ни мертв, но волей-неволей шел за ними. Он очутился посреди прогалины перед огромным костром, у которого грел ноги Бог дубов. Увидев Франсуа, лесной Бог закричал страшным голосом:

— Смертный! Что ты делаешь здесь?

Франсуа, плача, рассказал о своей беде, о том, как он оплошал и боится побоев. Лесной Бог, слушая его, понял, что бедный мальчик не лжет, и смягчился. Указав на костер, он сказал почти ласково:

— Ну, юноша, возьми огня на лопатку и пользуйся им на здоровье, а сюда больше не возвращайся.

Маленький угольщик не ждал вторичного приглашения: он сунул в костер лопатку и вытащил пылающую Головню, при свете которой легко нашел дорогу домой. Добежав до своей печи, он бросил в нее головню, и огонь вспыхнул сразу, как по волшебству.

Когда братья вернулись домой, обжигание угля в печи было закончено, и они так и не узнали о том, что произошло в их отсутствие.

II

Утром Франсуа, как всегда, должен был вычистить печь. Занятый мыслями о событиях прошедшей ночи, он выгребал лопатой золу и вздрогнул от неожиданности, увидев под нею вчерашнюю головню, которая по-прежнему ярко светилась каким-то волшебным блеском. Опомнившись от удивления, Франсуа придвинулся ближе, стал поворачивать головню и так и этак, увидел, что она не горит, обтер, ее концом своего фартука и понял наконец, что перед ним большой слиток золота и что это золото принадлежит ему!

Братья ушли продавать уголь, а Франсуа весь день не переставал думать о своей находке. С детства предоставленный самому себе, он лег-

ко поддавался дурным страстям. «Такое золотое полено, — говорил он себе, — стоит много-много денег. Это богатство, а богатые люди счастливы и живут весело. Золото — мое, его дали мне одному. Жан и Жак не имеют на него никаких прав». Совесть его восставала против таких мыслей и говорила ему: «Ты совсем маленьким остался сиротой, и братья заменили тебе умерших отца и мать». Но дурные чувства брали верх и нашептывали ему: «С тех пор ты постоянно работал и с лихвой расплатился за все, что они для тебя сделали. Ты с ними давно в расчете, не смущайся этим и оставь золото себе».

Утешенный такими мыслями, Франсуа выкопал яму под буком и зарыл в ней свое сокровище. С этого дня он не знал ни минуты покоя. Он простился навсегда с безмятежными и радостными снами. Жизнь его совсем изменилась. Его не оставляла неотступная забота. Он избегал братьев, прежних приятелей, всех. Он в одиночестве бродил по лесу, думая о том времени, когда покинет эти места, уедет в Париж, разменяет свое золото, а потом вернется и купит всю землю в их округе, чтобы знакомые лопнули от зависти. Им уже овладел бес тщеславия.

Но, несмотря на золотую головню, Франсуа был беден и не мог пуститься з желанное путешествие. Прошло много лет, пока он по грошу накопил себе денег на дорогу.

Он весь день трудился, помогая братьям, молча, никогда не обращаясь к ним ни с единым словом, и все мечтал о будущем счастье, все считал свои сбережения, которые хранил в чулке, и часами не сводил глаз со своего сокровища.

Ему не удавалось откладывать столько, сколько он хотел, и он ушел от братьев работать с другими угольщиками, которые хорошо платили.

И вот наконец наступил долгожданный день. Ни с кем не простившись, Франсуа покинул родные места, унося на спине свое золото, завернутое в старые тряпки и перевязанное веревками.

Глядя на этого тщедушного парня, бледного, худого, на вид хилого и жалкого, никто бы не поверил, что это владелец большого состояния. Он шел в Париж, переходя из деревни в деревню, питаясь в Бретани одними лишь яблоками и каштанами, которые подбирали под деревьями, а дальше, за Бретанью, — виноградом, сорванным тайком в виноградниках, за спелой ежевикой. Он охотно пользовался гостеприимством крестьян, которые кормили его из сострадания, обманутые его жалким видом.

После долгих странствий он однажды вечером увидел вдали крыши великого города. Скоро, изнемогая от усталости, он вошел в предместье Парижа и стал искать приюта на ночь.

На другое утро он разбил на куски свою золотую головню и отправился продавать их ювелирам. Он выручил громадные деньги. В лавке одного торговца Франсуа снял с себя платье угольщика и оделся в городское. Новая одежда и бледное лицо делали его похожим на знатного господина. Он поселился в гостинице и скоро вкусил всех наслаждений, какие предлагает людям Париж.

Обладая редким умом, красивой и располагающей к себе наружностью, к тому же рассыпая золото полными пригоршнями, он очень скоро сблизился со знатными людьми и приобрел хорошие манеры. Целая свита новых друзей облегчила ему доступ в высший свет. Перед ним раскрылись все двери, и маркиз де Компе — так он

назывался теперь — скоро стал настоящим вельможей, перед которым заискивали, которого баловали, которому завидовали.

Но все эти успехи, за которыми он вначале гнался с увлечением, быстро ему наскучили. Он был бретонец, и воспоминания о родине никогда не оставляли его.

В разгаре самых пышных и веселых пиров угольщик Франсуа думал о высоких деревьях Броссельянского леса, о полях, над которыми носится аромат цветущей гречихи, и часто говорил себе: «Ведь я бы мог и там, на родине, веселиться не хуже, чем здесь, и пировать с друзьями».

IV

И вот в одно прекрасное утро, по своему обыкновению ни с кем не простясь, он ушел с бала, купил лошадь и оружие, — ведь в те времена дороги не были так безопасны, как теперь, — и отправился в Бретань.

Путешествие прошло благополучно, и по приезде Франсуа купил великолепный замок в окрестностях Плелана. Началась веселая жизнь. В замок приглашены были дворяне со всей округи. Своры гончих заливались во дворах замка. В лесу раздавались звуки рогов. В покоях замка звенела музыка. Званные обеды, балы, охоты непрерывно сменяли друг друга. Мотовству не было предела, и одни только бедняки оставались забытыми и брошенными.

При таком образе жизни золото маркиза де Компе заметно таяло, и к тому же он вздумал вернуть игрой деньги, которые расточал так безрассудно. Это его погубило. Он потерял все, что у него еще оставалось.

После одного пиршества Франсуа за одну ночь проиграл все до последнего гроша и снова стал таким же нищим, как в годы своей юности.

Игра была в самом разгаре, когда ему пришли сказать, что в конюшнях замка вспыхнул пожар и его никак не удастся потушить. Но Франсуа был слишком увлечен игрой. Он хотел поскорее выиграть, чтобы снова попытаться счастья. И в ответ только пожал плечами.

Когда пожар уничтожил все, гости разъехались по домам, но никто из них не позвал Франсуа к себе. Собутельники теперь избегали его. Несчастный остался один среди развалин и пепла.

Он пробыл там целый "день, весь поглощенный своим несчастьем. Голод вынудил его искать где-нибудь приюта. Только теперь вспомнил он, что у него есть братья, и направился к старой хижине.

Жан и Жак разводили огонь в печи и за работой пели.

До этого они несколько раз видели маркиза, когда он проезжал верхом со сворой гончих, и находили в нем сходство с их младшим братом. Но им и в голову не могло прийти, что это он и есть. Однако, когда он вошел в хижину, у них не осталось сомнений, что это Франсуа, одетый как знатный вельможа.

— Брат, — сказали они, — ты, видно, очень богат: у тебя замок, лошади, собаки, которых содержать стоит, верно, дороже, чем прокормить всех крестьян у нас в лесу, и у тебя так много друзей!

— Нет, я больше не богат, — возразил Франсуа. — Замок мой сгорел, лошади и собаки проданы, деньги прожиты, друзья меня покинули.

У меня нет ничего, и я умираю от голода и холода.

— Так раздели с нами обед и отогрейся у огня, — сказали угольщики, указывая на очаг и на горшок с тюрей из черного хлеба. — Здесь всегда найдется место для бедняка.

« Франсуа утолил голод и подошел к огню, а братья продолжали работать. Этот дружеский прием показался ему унижительнее самого грубого отказа в приюте. Он страдал от того, что братьям было лучше, чем ему, и не хотел оставаться у них. Да и, кроме того, он совсем отвык работать и прекрасно понимал, что нельзя оставаться у братьев, если он не будет трудиться вместе с ними.

— Эх! Будь что будет! В последний раз попытаю счастья! — сказал он себе. — Пойду к лесным духам на Трессельенскую поляну.

Он дождался темноты и вышел из хижины.

V

Около полуночи несчастный маркиз, борясь со страхом, пошел по направлению к прогалине. Была ужасная погода, гремел гром, молнии бороздили небо. Как и в первый раз, Франсуа увидел разноцветное пламя, сиявшее над вершинами самых высоких деревьев. Зловеще кричали совы. Летучие мыши и козодои как тени скользили над кустами. Стояло лето — пора, когда лягушки и жабы, кузнечики и сверчки поют и стрекочут всю ночь напролет. Но в эту ночь они не подавали никаких признаков жизни. Лишь ветер шумел в чаще, вздыхали лиственницы, дрожали папоротники, колыхался вереск, — вся природа стонала и жаловалась.

Маркиз, собрав все свое мужество, двинулся вперед. Взрывы смеха, голоса, пение донеслись вдруг из чащи. И скоро несчастного обступили феи, увлекли на поляну, закружили в неистовой пляске.

Бог дубов, увидев Франсуа, тотчас узнал его и крикнул страшным голосом:

— Смертный, зачем ты пришел сюда?

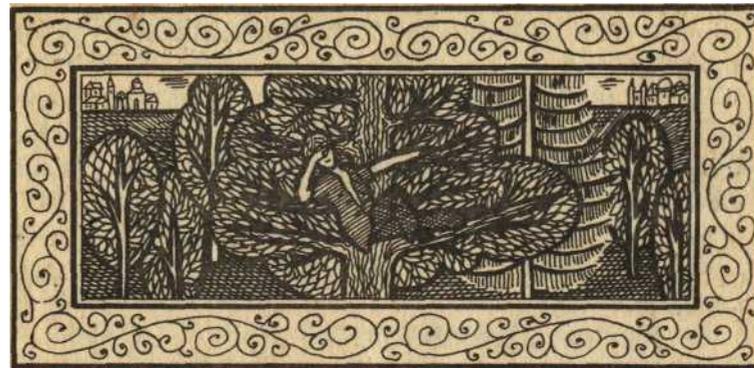
Франсуа начал рассказывать ему все ту же историю о потухшем в печи огне. Но старик его перебил:

— Слышал, слышал, не верится что-то! Впрочем, — добавил он, посмеиваясь, — сейчас увидим, говоришь ли ты правду. Опустит лопатку в огонь и попробуй вытащить головню.

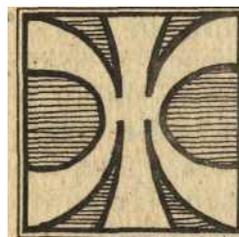
— Бледный, с блуждающим взором бедняга подошел к костру, сунул в огонь лопатку и хотел вытащить ее обратно. Но не мог. Казалось, ее удерживает какая-то невидимая сила. Руки его судорожно напряглись. Они как будто приросли к лопате, которую он держал. Пламя сначала лизало лопату, потом руки несчастного маркиза, потом охватило его всего. Вопя от ужасной муки, он исчез в огне.

К утру, на заре, пляска прекратилась, феи исчезли, пламя погасло, и на поляне остался только обгорелый труп несчастного Франсуа.

Прошло время, и тело покрылось корой; из коры стали пробиваться побеги ветвей, и теперь на этом месте стоит старое чахлое дерево, ветви которого касаются земли. Его называют «деревом угольщика».

КОШЕНАР И ТЮРКЕН

или-были два брата. Они были сироты и ходили в своем краю из дома в дом за подаванием. Старшего звали Кошенаром, а младшего — Тюркеном. Они никогда не разлучались. Исполнилось им лет по двенадцать, но они все еще ничего не делали, а только просили милостыню. Тут люди стали смотреть на них не так уж жалостливо, говорили, что им пора начать трудиться и самим зарабатывать свой хлеб. Заметив это, братья ушли из деревни. Однажды Кошенар, который был посмышленей Тюркена, но зато отличался дурными наклонностями, сказал брату:

— Я знаю, что нужно было бы сделать, чтобы нам повсюду оказывали хороший прием, чтобы на фермах нам охотно давали пищу и кров и много грошей на ярмарках и в монастырях.'

— А что именно?»—с любопытством спросил Тюркен.

— Если бы один из нас был слеп, а другой был бы его поводырем и ходил бы с ним из дома в дом, из одного святого места в другое, то мы ни в чем не терпели бы нужды.

— Так-то так, но мы ведь оба зрячие.

— Конечно, но нет ничего легче, как стать слепым.

— Каким образом?

ч— Каким образом? Да попросту выколоть глаза одному из нас.

— Это нехорошо, Кошенар; Бог дал нам хорошие глаза, и мы не должны по своей воле лишать себя зрения, да к тому же это, должно быть, очень больно, когда выкалывают глаза!.

— Вот пустяки! Это дело одной минуты!.. Зато подумай только, как нам будет хорошо! Никто не пройдет мимо нас, не подав нам хотя бы одного су, и мы сможем купить себе орехов, груш, яблок, ножи, новые сапоги... одним словом, все, что нам захочется.

Кошенар нарисовал такую соблазнительную картину счастья, ожидающего слепца, что бедный Тюркен, который не отличался большим умом; согласился, и братья решили тянуть жребий, чтобы узнать, кому из них надо выколоть глаза. Кошенар держал в кулаке соломинки и устроил так, что судьба присудила Тюркену быть слепым. Потом жестокосердный брат вытащил из изгороди шип терновника и выколол ему оба глаза. Несчастный Тюркен сильно страдал и громко кричал от боли. Его всюду жалели, где бы он ни появлялся, и с этого дня на обоих братьев посыпались самые разнообразные даяния: одежда, белый хлеб, мясо и деньги. Кошенар все забирал себе, сам ел белый хлеб и мясо, а черный хлеб и

картофель отдавал Тюркену. Они ходили по ярмаркам, по святым местам, и деньги падали дождем в деревянную мисочку несчастного слепого. Кошенар все забирал себе. Когда он накопил много денег, он решил отделаться от брата. Он завел его в густой лес и уверил, что они заблудились. Когда наступила ночь, он сказал:

— Ляжем сюда, на мох под дубом, и подождем рассвета.

Тюркен, ничего не подозревая, растянулся у подножия дерева и тотчас заснул. Как только он захрапел, Кошенар тихонько ушел, безжалостно оставив брата на произвол судьбы, без хлеба и денег. Несчастный слепой проснулся утром и стал звать Кошенара. Но Кошенар не откликался на его зов, и Тюркен подумал, что тот спит. Тогда он стал звать его все громче и громче, кричал, шарил вокруг дерева, но брата нигде не было. «Не может быть, чтобы он так и бросил меня,— подумал Тюркен.— Он, конечно, придет; надо подождать». Он долго ждал, до самого вечера, и время от времени громко звал Кошенара; но никто не откликнулся, и Кошенар не пришел. Тогда Тюркен понял, что его покинули, и горько заплакал. Наступила ночь, он был голоден, а еды у него не было. Он впал в полное отчаяние и подумал: «Либо я умру с голоду у подножия этого дерева, либо меня съедят дикие звери, которые водятся в ЭТ-ом лесу! Ах, Кошенар, Кошенар, что я тебе сделал, за что ты так поступил со мной?.. Мне остается только одно: вскарабкаться на это дерево и броситься с него вниз, чтобы сломать себе шею и не достаться живьем волкам, которые воют вокруг!» Он влез на дерево, и в ту минуту, как он собирался броситься вниз, он услышал под деревом львиный рев. Вскоре прибежал и вепрь и захрюкал. Затем до слуха

Тюркена донесся вой, и через некоторое, время появился волк.

— Где это ты пропадал, волк? Ты изрядно опоздал,— спросил его лев.

— Я был в городе Люксембурге, где и люди и животные умирают от жажды, — ответил волк.— Ну и поживился же я там, можете не сомневаться в этом! Взгляните-ка на мое брюхо! Вот поэтому-то я и опоздал немного.

— Я знаю, каким образом можно достать воду в городе Люксембурге,— сказал лев,— и знаю также такое средство, которое исцеляет все болезни и всякие увечья, какие бы они ни были.

— Что же нужно сделать для этого? — спросил волк.

Нечего говорить, что Тюркен, сидя на дереве, внимательно прислушивался к беседе зверей.

— Ну, слушайте, что нужно сделать, чтобы иметь воду в Люксембурге, — ответил лев. — Нужно взять кусок корня того самого дерева, под которым мы теперь стоим, с этим куском корня отправиться в Люксембург и ударить им три раза о скалу, которая находится посреди города, приговаривая при этом: «Воды! Воды! Воды!» Тотчас же из этой* скалы забьет родник чистой и свежей воды, столь обильный, что воды хватит на весь город — и людям и животным.

— А какое это средство, которое излечивает все недуги и все увечья? — спросил волк.

— ..А вот я вам расскажу,— сказал лев.— Нужно взять кусочек коры этого, дерева, натереть им рану или большую часть тела, и сейчас же все как рукой снимет. Если, например, человек или зверь ничего не видит, так стоит только приложить кору к'глазам, и он сразу будет видеть так же хорошо, как мы с вами. Я только что вернулся из Испании. Дочь короля этой страны после

причастия почувствовала себя нехорошо и ее стошнило во дворе королевского дворца, так что святая облатка упала на землю. Тотчас из норы выскочила жаба, проглотила облатку и скрылась под камнем в глубине бассейна. Принцесса сразу же стала пухнуть, и теперь кожа у нее до такой степени натянута, что вот-вот лопнет. К тому же принцесса испытывает сильные страдания, и ни один врач не может распознать ее болезнь. Король в отчаянии обещает отдать свою дочь за того, кто ее вылечит, кто бы он ни был.

— И'вы думаете, что кора этого дерева исцелит ее?— спросил волк.

— Одной коры недостаточно; чтобы исцелить ее,—возразил лев.— Вот что надо сделать, чтобы достигнуть полного успеха: надо вытащить жабу из бассейна, куда она скрылась, и приготовить королевской дочери питье из жабьей крови, смешанной с вином; затем дать ей съесть жабье мясо, поджаренное на масле. На свете нет другого средства, которое могло бы вернуть ей здоровье, но ни- один врач, будь он даже самый ученый, не отважится на лечение, о котором я говорю.

После этого все трое — лев, волк и вепрь — удалились. Это были дьяволы, принявшие облик зверей, чтобы им легче было обдeldывать свои делишки.

, Понятно, что Тюркен не упустил ни единого слова из того, что было сказано, ибо, хотя он был слеп, но глух не был, и воскликнул: «Не так уж плохо живется на свете!»

В это время взошло солнце. Тюркен спустился с дерева, срезал ножом кусочек коры с этого дуба и потер им глаза. О счастье! Зрение сейчас же вернулось к нему. Он увидел сияющее солнце, бросился на колени и от всего сердца возблаго-

дарил Бога. Он срезал большой кусок коры и положил его в карман, чтобы исцелять больных; тем же ножом он разрыхлил землю и, найдя тонкий корешок этого дерева, отрезал его и взял с собою, чтобы добыть воду для жителей города Люксембурга.

Затем он отправился в путь. Одежда его была в лохмотьях, и так как у него не было денег, то ему приходилось просить милостыню, чтобы как-нибудь прожить. После многих злоключений он прибыл в Люксембург и прямо направился к кюре, чтобы попроситься к нему на ночлег.

— Откуда ты? — спросил его кюре.

— Из Франции, — был ответ.

— Ну, так и возвращайся во Францию, — у меня нет для тебя хлеба.

И кюре захлопнул дверь перед самым его носом. Тогда он отправился к мэру города, но и тот принял его не лучше, чем кюре. Префект вытолкал его так же, как кюре и мэр.

«Как странно, — подумал Тюркен, — я пришел сюда для того, чтобы спасти этих людей, котормым угрожает смерть от жажды, а они не хотят приютить меня и дать мне кусок хлеба, в котормой в моей стране не отказывают даже нищему, посланному Богом! Но, . быть может, бедные люди обойдутся со мной ласковее; до сих пор я обращался только к богатым».

Навстречу ему по улице шла бедно одетая девушка, которая горько плакала. Он подошел к ней и спросил:

— О чем ты так плачешь, девушка?

— Увы, на то есть причины, — ответила она, — мой отец, мать и два брата умерли от жажды!

— Ну, а я, наверное, умру не от жажды, а с голоду, потому что в этом городе никто не хочет мне дать куска хлеба.

— Пойдем ко мне, я отломлю тебе кусочек от краюхи, которая у меня осталась, и постараюсь устроить тебя лучше.

— Да благословит тебя Бог и да пошлет тебе счастье.

Он пошел с девушкой до самого ее дома, и она дала Тюркену кусок черного заплесневевшего хлеба, который он съел с большой жадностью.

— Я не могу тебе дать ни воды, ни молока, ни вина, ни сидра, — сказала она. — Я, наверное, сама скоро умру от жажды, как мой отец, моя мать и братья.

— Возьми кувшин для воды и иди со мной, — сказал ей тогда Тюркен. .

И они вместе направились к скале, которая находилась посреди города. Тюркен три раза ударил корешком о скалу, приговаривая: «Воды! Воды! Воды!» И сейчас же из скалы забил родник. Воды было много, она была чиста и прозрачна. Девушка наполнила кувшин и пошла домой в сопровождении Тюркена. Очень скоро распространилась весть, что какой-то чужеземец, нищий, которого никто не знал, исторг из скалы источник чистой и прозрачной воды. Народ сбегался отовсюду с кувшинами и разными сосудами, и во всей округе люди с криками радости пили воду. Когда жажда была утолена, стали разыскивать незнакомца, котормому весь город обязан был спасением. Наконец его нашли в лачуге у бедной девушки. Кюре, префект, мэр и все начальствующие лица города посетили его и выразили желание торжественно повести его по улицам города, с музыкой впереди шествия. Но он сказал им:

•т- Нет, вы мне отказали в куске хлеба, когда я стучался в двери ваших домов, и если б не эта бедная девушка, которая поделила со мной то

немногое, что имела, я бы, наверное, умер с голоду. Поэтому я останусь у нее, в благодарность за услугу, которую она мне оказала.

. Начальствующие лица и богатые граждане Люксембурга опасались, что Тюркен, который с такой легкостью доставил им чудесный источник, может так же легко убраться, и они на коленях просили у него прощения и складывали к его ногам мешки с золотом и серебром. Но он отшвырнул ногой их золото и серебро. Ему предложили великолепный замок в городе Люксембурге, но он ответил:

— Я не могу остаться с вами, потому что должен отправиться в путешествие, которое нельзя отсрочить. Но я приеду к вам и тогда, быть может, навсегда останусь в вашем городе. Впрочем, бояться вам нечего: родник не иссякнет в мое отсутствие.

Ему подарили великолепную золотую карету, запряженную прекрасными лошадьми, и он отправился в Испанию. Прибыв в столицу этого государства, он остановился в лучшей гостинице, и там его приняли как принца. После ужина он позвал хозяина гостиницы, чтобы потолковать с ним и осведомиться о новостях.

— Что нового в вашем городе? — спросил он.

• • — 'Здесь только и разговору, что о болезни королевской дочери, которую все очень любят.

— Чем же она больна?

— А вот этого никто не знает, и лучшие врачи не могут понять ее болезни. Бедная принцесса вся горит и так распухла, что вот-вот лопнет кожа. Она очень страдает. Некоторые утверждают, что она одержима бесом, и, по-видимому, так оно и есть.

— Как же это ни один врач не может ей помочь?

— Я вам уже сказал, что они не могут понять ее болезни: к ней съехались врачи со всех концов государства и даже из чужих краев, а ей с каждым днем все хуже и хуже. Вот уже шесть месяцев, как она больна, и если бедной девушке не станет лучше, она, несомненно, скоро умрет.

— Так вот, слушайте: я врач королевства Франции, я знаю прекрасное средство от опухолей, какова бы ни была их причина, и я с уверенностью заявляю, что вылечу вашу принцессу,

— О, если это действительно так, то ваше будущее обеспечено, потому что король любит свою дочь больше всего на свете; он страшно убивается и за ее исцеление готов отдать все свои сокровища.

— Пойдите и скажите ему, что у вас проездом остановился врач из Франции; он знает верное средство от опухолей, которое всегда оказывает свое действие.

Хозяин гостиницы побежал во дворец, чтобы сообщить королю эту радостную*весть.

— Пусть сейчас же явится сюда!—воскликнул безутешный отец.—Ему ни в чем не будет отказа, если только он спасет мою дорогую дочь.

Тюркен тотчас же отправился во дворец, и его ввели в комнату принцессы. Она была так плоха, что на нее жалко было смотреть. На губах ее выступила пена, она кричала и билась как одержимая.

— Ну что, доктор,— обратился к нему король, — что вы скажете о положении моей дочери?

— Положение тяжелое, но я отвечаю за нее, мой повелитель; доверьтесь мне и позвольте сделать то, что нужно.

— Если вы ее вылечите, я вас награжу так, как еще никогда не награждали ни одного врача.

— Пожалуйста, оставьте меня одного на не-

сколько минут: у вас во дворе и в, вашем саду мне нужно нарвать трав для приготовления лекарства, которое спасет вашу дочь.

Тюркен прошел во двор замка и, делая вид, что собирает травы вокруг бассейна, схватил жабу, которая пряталась под камнем. Она была огромна. Он завернул ее в полу своей куртки, отправился с ней в сад и принес оттуда целую охапку всевозможных трав и цветов. Затем он попросил, чтобы его оставили на некоторое время одного в кухне, так как он должен приготовить лекарство. Прежде всего он выпустил из жабы кровь и собрал ее в особый сосуд. Кровь он смешал со стаканом старого красного вина, подогрел эту смесь и поднес принцессе со словами:

— Выпейте, принцесса, здесь ваше здоровье!

Принцесса отпила глоток, затем оттолкнула сосуд и воскликнула:

— Боже, какое оно противное!

Но минуто спустя она почувствовала, что ей стало лучше, так как врач настаивал, чтобы она выпила еще, то она не возражала больше и залпом проглотила все до последней капли.

— Ах, как мне помогает это питье!— сказала она. "

И действительно, она перестала кричать и корчиться, совсем успокоилась и тихо уснула. А Тюркен снова пошел в кухню, чтобы приготовить другое лекарство, которым он должен был закончить лечение. Он разрубил жабу на мелкие кусочки, приготовил из них месиво и зажарил его, а вечером, когда Принцесса проснулась, он заставил ее съесть третью часть жабьего мяса; другую треть она съела в полдень следующего дня, а последнюю — к заходу солнца. После этого она совсем выздоровела. Ее счастьем и радости не было границ: она пела, танцевала, обнимала

своего спасителя и не хотела с ним разлучаться, да и старый король не отставал от своей дочки.

Тюркена засыпали подарками и не хотели его отпускать. Принцесса в него влюбилась, а старый король решил отречься от престола в пользу своего будущего зятя. Тюркена так уговаривали, что в конце концов он обещал жениться на принцессе. Однако он попросил, чтобы сначала его отпустили на несколько дней на родину: ему, дескать, надо устроить некоторые дела и рассказать о своей удаче отцу и матери, которых он непременно захватит с собой на обратном пути. Король и принцесса боялись, что он не вернется, и захотели сопровождать его. Тогда он убежал ночью, переодевшись нищим, и направился в Люксембург, куда обещал вернуться.

Теперь у него не было недостатка в деньгах. Поэтому, перейдя границу Испании, он в первом попавшемся городке сбросил с себя нищенскую одежду и превратился в богатого вельможу. Он без помех прибыл в Люксембург и остановился в лучшей гостинице. После ужина, беседуя с хозяином гостиницы, он осведомился у него о городских новостях.

— В городе только и разговору, что о замке из золота и серебра, выстроенном жителями Люксембурга, — да и действительно, он представляет собою чудо из чудес, — ответил хозяин гостиницы.

— Для кого же выстроен этот замок? — спросил Тюркен.

— Для того, кого жители Люксембурга считают своим спасителем, для человека, который дал нам в изобилии воду в тот миг, когда всем нам грозила смерть от жажды.

— Вот как! А кто же этот человек? Поселился ли он уже в своем замке?

— Нет, он еще не живет там, потому что он отправился путешествовать, и никто не знает куда; но его ждут со дня на день. Ах, если бы вы видели этот замок! Говорю вам: чудо из чудес. Стены сделаны из серебра, окна и двери из чистого золота, а в саду устроен фонтан и пруд, дно которого выложено серебряными плитами...

— И вы не знаете имени человека, которому предназначается такой великолепный замок?

— Нет, никто не знает его имени; он пришел в наш город только для того, чтобы спасти нас, а затем отправился в другую страну, чтобы и там совершить добрые дела, но он обещал скоро вернуться. Мы надеемся удержать его у нас, а для этого, как только он возвратится, женим его на дочери нашего префекта. Эта девица, несомненно, самое прелестное создание, какое существует под звездным небом.

— Вот как? — улыбаясь, сказал Тк/ркен, и отправился спать, так как время было позднее.

На другое утро он пошел гулять по городу. Он обрадовался, что родник, который он исторг из скалы, струился по-прежнему, чист и прозрачен. Затем он отправился к бедной сиротке, которая приютила его, в то время как начальствующие лица и богатые граждане так грубо его оттолкнули. В прекрасно одетом вельможе, который стоял перед ней, она не узнала умиравшего от голода, покрытого лохмотьями нищего, с которым поделила свой черный хлеб и свое убогое жилище. Она жила вместе с сестрой; жили они бедно, но честно, добывая себе пропитание шитьем.

— Вы знаете меня? — спросил Тюркен.

— Нет, сударь, я не имею чести вас знать.

— Посмотрите-ка хорошенько.

Она снова посмотрела и сказала:

— Мне кажется, я вас никогда не видела.

— Разве вы не помните, что вы разделили однажды ваш хлеб и ваш кров с несчастным нищим, который умер бы с голоду без вашей помощи?

— Мне, сударь, не раз случалось делить свой хлеб с нищими.

— Тот, о котором я вам говорю, исторг родник чистой и прозрачной воды из скалы, которая находится посреди вашего города, и тем спас жителей Люксембурга, иначе они умерли бы от жажды!

— Ах, Боже мой, да неужели же это вы?

Она посмотрела ему прямо в лицо и прибавила:

— Да, да, теперь я вас узнаю! Как я рада вас видеть! И как рады будут жители нашего города, когда узнают, что вы вернулись!

И она ему рассказала то, что он уже знал от хозяина гостиницы, — о прекрасном замке и о предполагаемой женитьбе его на дочери префекта.

Вскоре все узнали о приезде спасителя Люксембурга, и весь город пришел в движение. Префект, мэр, кюре и все начальствующие лица торжественно явились к нему в гостиницу, впереди шли музыканты. Префект произнес прекрасную речь и, передавая Тюркену ключи от замка, выстроенного для него благодарными жителями Люксембурга, предложил ему немедленно принять замок в свое владение. «Моя жена и дочь, столь же любезная, как и прекрасная, — добавил он, — обе ждут вас там, чтобы оказать вам должные почести».

Тюркен поблагодарил жителей Люксембурга за радушный прием и ответил префекту, что, раньше чем вступить во владение замком, он

хотел бы обзавестись подругой, которая будет жить там вместе с ним, и что он намерен остановить свой выбор на одной из обитательниц Люксембурга. Поэтому он просит оповестить всех юных жительниц Люксембурга в возрасте от пятнадцати до двадцати лет, чтобы на следующий день они собрались на главной площади города, у источника, близ скалы, и там он выберет себе жену.

Так как все считали, что Тюркен может взять в жены только девушку из самой лучшей и самой богатой семьи и что он выберет, без сомнения, дочь префекта, то пригласили только дочерей самых важных граждан города. На другой день в назначенный час все эти девушки явились в указанное место, разряженные в пух и прах, одна прекраснее другой. Дочь префекта шла впереди всех, блистая драгоценностями, нарядная как принцесса. Их всех выстроили в ряд вокруг площади, и Тюркен медленно проходил мимо них, как генерал, делающий смотр войскам. Он разглядывал всех, одну за другой, и не останавливался ни перед кем, что весьма не понравилось многим отцам и матерям, а в особенности префекту и его жене. Затем он сказал префекту, который следовал за ним:

— Не все девушки вашего города присутствуют здесь: пусть мне завтра покажут других.

На следующий день ему показали дочерей богатых граждан и купцов. Он произвел смотр и этим и, дойдя до последней, снова сказал префекту:

— Я не вижу здесь той, которая должна быть моей женой; надо мне показать остальных.

На третий день созвали молодых работниц всяких профессий, служанок и даже нищенок. Он не успел сделать и нескольких шагов, как

заметил ту девушку, которая приютила его; он подошел к ней, взял за руку, вывел из рядов и, представляя жителям Люксембурга, сказал:

— Вот та, которую я выбрал в жены! Она меня хорошо приняла, когда меня все оттолкнули; она оказала мне гостеприимство и поделила со мной свой хлеб, и сегодня я хочу отблагодарить ее за это.

Велико было изумление граждан, а равным образом и разочарование некоторых отцов и матерей.

Свадьба была сыграна тотчас же, и Тюркен поселился в замке с женой и свояченицей.

Прошло месяцев шесть, и Тюркен устроил большую охоту, на которую пригласил много народу. Охота происходила в том самом лесу, где он был покинут Кошенаром. Он сразу узнал дерево, на которое взобрался с намерением броситься вниз и сломать себе шею. Под этим деревом он теперь увидел несчастного бедняка в лохмотьях, тело которого было покрыто язвами. Видно было, что он давно уже ничего не ел и ему грозила голодная смерть. Тюркен сейчас же сошел с лошади, чтобы его исцелить, так как средство было тут же, под руками.

— У вас плохой вид, бедняга,— сказал Он ему с состраданием.

— Вы правы, сударь, но это мне по заслугам.

— Как так?

— Ах, это все так печально!.. У меня был брат, и когда мы были молоды, мы оба ходили по домам и просили милостыню, потому что мы осиротели рано, а родители нам ничего не оставили. Так мы жили подаванием добрых людей, пока однажды мне не пришла в голову мысль, что если бы один из нас был слепец, то мы бы вызывали больше сострадания в людях и нам бы

жилось гораздо лучше. И я выколол оба глаза моему несчастному брату, и после этого мы перешли в другие места. Действительно, с этого времени я ни в чем не терпел недостатка, ни в еде, ни в одежде, ни в деньгах. Когда, таким образом, у меня составила кругленькая сумма, я пришел сюда с братом, сделал вид, что заблудился, и сказал ему, что придется заночевать в лесу. Мы легли под этим деревом, и, когда брат крепко уснул, я убежал, оставив его на произвол судьбы, одного, без хлеба и денег. Я не знаю, что стало с моим бедным братом: его, наверное, растерзали дикие звери. Но за то Бог наказал меня. Я без ума сорил деньгами, и к тому же не хотел работать, вот и впал, как видите, в самую ужасную нужду. Я жестоко наказан, но признаю, что заслужил это. Вот я и пришел умереть под тем самым деревом, где оставил Тюркена.

Тюркен, тронутый до слез, воскликнул:

— Я твой брат! Неужели ты не узнаешь меня, Кошенар? — И он с волнением обнял его. — Успокойся, мой бедный брат; я от всего сердца прощаю тебя. Сначала я исцелю тебя, а затем мы отправимся в мой замок, и пока ты жив, ты ни в чем не будешь терпеть нужды, ибо мне повезло, и теперь я богат.

Он кинжалом сделал надрез на стволе дерева, снял кусок коры и положил ее в карман. Охота кончилась, и Кошенару подали лошадь, но так как он не мог держаться в седле, то брат посадил его за собой, на свою лошадь, и они вместе направились в замок. Все были изумлены и не могли понять, что это все означает. Когда они приехали в замок, Тюркен, несмотря на ужасный и отталкивающий вид Кошенара, привел его к своей жене и свояченице и сказал:

— Вот я вам представляю своего брата Кошенара.

Они вскрикнули от ужаса и отвернулись. Затем, обращаясь к свояченице, он сказал ей:

— Вы бы сделали мне большое удовольствие, свояченица, если бы согласились выйти замуж за моего брата Кошенара.

Свояченица сделала гримасу, но тем не менее ответила:

— Я охотно выйду за него замуж, зятюшка, — и для того, чтобы угодить вам, и потому, что он ваш брат.

Тогда Тюркен повел Кошенара в сад, на берег пруда, вымыл его и натер корой дерева; язвы исчезли, и он стал красивым мужчиной. Затем Тюркен дал ему свое платье, которое оказалось совсем впору, а потом снова привел его к свояченице и сказал:

— Вот «ваш жених!

Увидя перед собой такого красавца, она уже не делала гримас! Свадьбу сыграли сейчас же, не откладывая. Свадьба была роскошная, с пиршествами и играми, и оба брата с женами зажили в замке в мире и согласии. Только одно мучило Кошенара и не давало ему покоя: каким образом его брат стал зрячим и каким образом он так разбогател? Однажды он обратился к нему с вопросом:

— Мне очень хотелось бы знать, как к тебе вернулось зрение и каким образом ты так разбогател!

— Пустяки, мой брат, не тревожься и не думай больше об этом.

Несколько раз Кошенар обращался к нему с тем же вопросом, и каждый раз Тюркен выказывал недовольство и давал все тот же ответ. Но

однажды, после особенно настоятельных просьб, он сказал:

— Хорошо, если ты так настаиваешь, то я скажу тебе... а между тем я чувствую, что для тебя было бы лучше никогда не знать этого.

И он рассказал ему, как, задумав покончить с собой, взобрался на дерево, под которым собрались трое зверей — лев, волк и вепрь, и от них узнал два секрета, которые положили начало его богатству. Самих секретов он, однако же, не открыл.

Кошенар завидовал Тюркену. Он лишился сна и, мечтая иметь свой собственный замок, в котором он был бы полным хозяином, решил провести ночь на том дереве в лесу, чтобы тоже узнать какой-нибудь секрет. Он ничего не сказал ни жене, ни брату и ушел под вечер тайком. Придя в лес, он без труда отыскал дерево и взобрался на него. Около полуночи он услышал рев, и вскоре появился лев. Минуту спустя он услышал вой, и вслед за львом появился волк. Затем он услышал шаги какого-то животного, которое пробиралось через кустарник, все время похрюкивая. Это был вепрь. Когда все трое животных, — а это были дьяволы, — собрались у ствола дерева, лев сказал:

— Ну-ка, что нового? Хорошо ли у вас прошел день?

— Что касается меня, то я не могу жаловаться, — ответил волк. — Но надо быть осторожнее и не говорить так безрассудно. Вы хорошо знаете, как нам досталось за дело с жителями Люксембурга, которые умирали от жажды, и за историю с дочерью испанского короля, и, вероятно, еще не забыли великого гнева нашего господина Вельзевула, когда он убедился, что от нас ускользнули жертвы, которые он уже считал

своими. Надо посмотреть сначала, не скрывается ли кто-нибудь в кустах или где-нибудь поблизости. И они обыскали кусты и никого не нашли. Но волк поднял кверху морду и увидел Кошенара, который скрывался среди листвы.

— А, вот он где, хитрец! — воскликнул он. — На этот раз он от нас не уйдет!

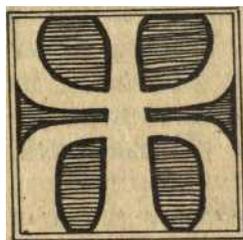
— Но как же его достать? — спросил вепрь.

— Нужно подрыть дерево, — сказал лев.

И они втроем принялись за работу. Они рыли землю и отбрасывали ее в сторону: вепрь действовал рылом, а двое других когтями, и таким образом они подрыли у дерева корни, и оно свалилось. Тогда все трое бросились на несчастного Кошенара и растерзали его.

Так как он не вернулся к ночи в замок и никому не сказал, куда ушел, в замке стали беспокоиться. Его искали повсюду, но нигде не находили. Тогда у Тюркена явилось предчувствие, что с братом случилась беда. «Несчастный, наверное, отправился в лес, чтобы провести ночь на дереве», — подумал он. Он побежал в лес и когда увидел упавшее дерево, землю, разрытую когтями животных, и разбросанные вокруг кости, — сразу понял, в чем дело. У него было доброе сердце, и он искренне оплакивал своего брата.

или когда-то на свете муж и жена. Они были женаты уже пятнадцать лет, но детей у них не было. Муж и жена постоянно твердили: «Боже, дай нам сына, мы ничего больше не просим, только одного сына, хотя бы он был не выше сапога».

И в конце концов Бог дал им то, чего они просили. Через пятнадцать лет и девять месяцев жена родила мальчика длиною в пол-аршина, и он ни на вершок не вырос больше. Поэтому родители называли его Сапожок. Пришло время Сапожку зарабатывать кусок хлеба. Не было мальчика умнее и проворней его, но ни один хозяин не хотел брать в работники такого коротышку. Наконец Сапожка нанял пасти коров один фермер, злой как черт и скупой как растовщик. Черствый хлеб да постный суп, вместо

постели — солома, частые побои и ни гроша жалованья — вот что получал за работу бедный пастушок.

Раз Сапожок стерег коров, лежа под ивой на берегу реки Жер. На другом берегу реки он увидел старуху ростом вдвое меньше его самого, черную как сажа, древнюю как дорога.

— Пастух, — крикнула старушонка, — поди сюда и перенеси меня через реку.

— Охотно бабушка.

Сапожок разделся. К счастью, дело было осенью, после жатвы. Река так обмелела, что даже коротышке пастуху вода была по пояс.

— Ну, вот вы и на этом берегу, бабушка.

— Спасибо, пастух. Долг платежом красен — вот тебе дудка, не расставайся с ней ни днем, ни ночью. Стоит тебе только приложить ее к губам, и все, кто услышит ее, люди и звери, запляшут против воли и будут плясать до тех пор, пока ты не перестанешь играть.

— Спасибо, бабушка.

Старушонка ушла, а Сапожок приложил к губам дудку и заиграл. В тот же миг быки, коровы, телята пустились в пляс и скакали до тех пор, пока пастух не перестал играть.

Вскоре проходил мимо мировой судья, человек горячий и злой как сто чертей в аду. Пастух снял шапку.

— Здравствуйте, господин мировой судья.

Судья прошел мимо и ничего не ответил, даже не дотронулся до шляпы.

— Господин судья, я с вами вежливо здороваюсь. Вы могли бы ответить тем же.

Судья замахнулся палкой.

Тогда Сапожок поднес к губам свою дудочку. И в тот же миг судье .волей-неволей пришлось пустился в пляс. Он танцевал, танцевал в гус-

той чаще черного терновника и ежевики, рвавших его платье и тело, танцевал до тех пор, пока крошка пастух не перестал дуть в свою дудку.

Сапожок со стадом вернулся на мызу. В этот день хозяин и его семья пировали на славу: к обеду был суп с капустой, гусиные лапки, жареная индейка, сыр и доброе вино.

— Хозяин, не дадите ли вы и мне попробовать этих вкусных вещей?

— Ишь какой лакомка! Проваливай! Для тебя и заплесневелые корки слишком хороши. Убирайся прочь, не то я тебе задам трепку!

Тогда Сапожок заиграл на дудочке. Тотчас хозяин и его семья против воли пустились в пляс. Они плясали, плясали среди опрокинутых скамей и стульев, среди разбитых тарелок, блюд и бутылок, которые в кровь ранили им ноги. Плясали да плясали, пока малыш не перестал играть.

После этого Сапожок воротился к родителям, а мировой судья и фермер подали на него в суд.

— И вот три дня спустя пастуха приговорили к повешению. Когда судьи в красных мантиях, священник, палач и его помощники вели Сапожка на виселицу, он поглядывал на мирового судью и фермера, стоявших в толпе, и помирал со смеху.

Палач надел⁸ петлю на шею Сапожка. Но Сапожок поднес к губам свою дудочку. И тотчас же судьи в красных мантиях, священник, палач, его помощники. — все против воли пустились в пляс. Они скакали выше виселицы, рискуя сломать себе шею всякий раз, когда падали на землю. Они плясали, пока коротышке пастуху не заблагорассудилось прекратить игру.

— Ну, что, добрые люди, вы все-таки хотите меня повесить?

— Нет, Сапожок, ступай себе, куда хочешь.

Тебя никто не тронет.

— Добрые люди, мне этого мало. Я хочу, чтобы мировой судья и мой хозяин были сейчас же повешены!

— Сапожок, это не в нашей власти.,

Тогда Сапожок взялся за дудку, и судьям в красном, священнику, палачу и его помощникам опять пришлось пуститься в пляс. Они плясали, прыгали выше виселицы, падали на землю и чуть не переломали себе руки и ноги. Плясали до тех пор, пока Сапожок не перестал играть.

— Добрые люди, я хочу, чтобы мировой судья и мой хозяин были повешены без всякой жалости. Ну, как, это все еще не в вашей власти?

— Хорошо, Сапожок, мы согласны. Палач, делай свое дело.

Палач и его помощники вздернули на виселицу судью и фермера.

— А теперь, добрые люди, за то, что вы меня так обидели, отсчитайте мне по тысяче пистолей каждый.

— Сапожок, это нам не по карману.

Тогда Сапожок поднес к губам дудку. И судья, священник, палач, его помощники — все пустились в пляс. Они плясали, прыгали выше виселицы, рискуя сломать себе шею всякий раз, как падали обратно на землю. Плясали, пока малыш не перестал играть.

— Добрые люди, за нанесенную мне обиду отсчитайте мне по сто пистолей каждый. А это вам по карману?

— Да, Сапожок. Но у нас нет при себе денег.

— Так пошлите кого-нибудь за ними. А не то смотрите, как бы дудка не заиграла опять!

Сказано — сделано. После этого Сапожок, нагруженный золотом, воротился к отцу с матерью, и они жили долго и счастливо.

СОДЕРЖАНИЕ

Золотой драгун	
Перевод М. Е. Абкиной	3
Синяя Борода	
Перевод М. Е. Абкиной	13
Король —ворон	
Перевод М. Е. Абкиной	20
Золотая головня	
Перевод М. Е. Абкиной	31
Кошёнар и Тюркен	
Перевод А. С. Кулишер	41
Мальчик с сапожок	
Перевод М. Е. Абкиной	60

Составитель В. Дронова
Редактор Л. Илюшина
Художник А. Белоножкин
Технический редактор Т. Камлева
Корректор В. Мачина

Сдано в набор 09.08.91.
Формат 84х108'/32-
Тираж 100000 экз.

Подписано в печать 2.09.91.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36
Заказ 1419. Цена 2 р. 98 к.

Отпечатано в МП ИнформпОлиграф